

УДК 821.161.09 Достоевський

В.Б. Мусий,доктор філологічних наук, професор,
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова,
кафедра світової літератури**ЕДИНИЧНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ФАНТАСТИЧЕСКОМ
РАССКАЗЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БОБОК»**

В статье рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок» рассмотрен в контексте такой категории, как «фантастический реализм» (именно с этим понятием большинство исследователей связывает особенности творчества писателя). Предлагается вариант толкования содержания фантастического, его мотивировки в произведении, его роли в раскрытии характера героя и смысла происходящих с ним событий. Соотношение в рассказе единичного и универсального выявляется на основе изучения произведения как важной составляющей «Дневника писателя» за 1873 год

Ключевые слова: психологизм, фантастика, семантические оппозиции, универсальное, единичное, публицистика

Фантастический реализм, о котором чаще всего упоминают исследователи творчества Ф.М. Достоевского в связи с тем, что этот художник относил и свои, и созданные другими авторами «самые реальнейшие» и «самые правдивейшие» произведения к «фантастическим», не предполагал отказа от социально-исторического (то есть, реалистического) воссоздания явлений действительности и человека, но позволял писателю расширить рамки отображаемой действительности. Для максимально полного раскрытия сути явления Достоевский считал необходимым снять с него поверхностный слой привычных впечатлений и представлений, прибегнуть к абстрагированию, укрупнить отображаемое. При этом укрупнение допускало отход от форм реальности, а не от самой реальности, поскольку автор не выходил за рамки причинно-следственных связей. Таким образом, фантастика выполняла в его произведениях, пожалуй, наиболее характерную для нее роль – придания конкретному, обыденному и единичному универсального смысла.

Ф.М. Достоевским было создано несколько произведений, которые можно отнести к разряду фантастических. Среди них – те, что были написаны в 1870-е годы и включены в разные выпуски «Дневника писателя», основной задачей создания которого было установить непосредственный диалог с читающей публикой по предельно острым идейным, нравственным, социальным вопросам современности. «Бобок», которому посвящена наша статья, вошел в состав «Дневника писателя» за 1873 год. По своей глубине и смелости, как считал М.М. Бахтин, это произведение является одной из «величайших маниппей во всей мировой литературе» [1, 234] и одновременно почти «микрокосмом» всего творчества Ф.М. Достоевского [1, 246]. **Цель данной статьи** – изучить роль фантастики в рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок» в раскрытии вневременного, универсального смысла решаемых в нем в художественной форме проблем. Кстати, именно такой, «символический», подход проявили к этому произведению участники неформалистской конференции (Оксфорд, 2008), сосредоточившиеся на трех «очевидных для читателя», но «не разгаданных до конца» тайнах в нем. К этим «тайнам» они отнесли ответ на

вопрос, было ли случившееся с героем «реальностью или плодом галлюцинации»; содержание «секрета мертвецов»; и, наконец, семантику вынесенного в заглавие слова [5, 312]. По существу, это все то, что выводит смысл рассказа за пределы конкретно-исторической ситуации, переводя его в разряд произведений об общечеловеческом.

Герой рассказа – Иван Иванович, «человек робкий» и «не бог знает какой литератор», как он себя сам аттестует. Он признается, что сочинения его не пользуются успехом: «Написал повесть – не напечатали. Написал фельетон – отказали». Но герой не только кроток. Неудачи на литературном поприще не лишили его склонности к резонерству. Иван Иванович признается, что рассылает по редакциям письма: «Всё увещания и советы даю, критикую и путь указую» [3, 42]. Самое же важное для него в тот момент, когда он приступает к своему рассказу, связано с его душевным состоянием. «Со мной что-то странное происходит, – признается он. – И характер меняется, и голова болит. Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи. Не то, чтобы голоса, а так как будто кто подле: «Бобок, бобок, бобок!»» [3, 42-43]. А затем он подробно описывает случившееся с ним на кладбище, где он услышал голоса из могил. Все это – и сообщение об испытываемом Иваном Ивановичем состоянии, и случай на кладбище – имеет неоднозначную мотивировку. Одновременно можно признать как мнимость встречи героя со сверхъестественным (ему все приснилось), так и ее реальность (возможно, и в самом деле жизнь души не заканчивается погребением человека, и на какое-то время ей дается возможность исправить то, что не он успел в земном существовании). Наиболее же продуктивным для уяснения замысла автора будет, на наш взгляд, обратиться к психологической мотивировке того, о чем поведал Иван Иванович. С одной стороны, можно предположить, что герой рассказа постепенно сходит с ума и напоминает гоголевского Поприщина, ставшего свидетелем переписки собачек. Но одновременно переживаемое им состояние оказывается близким тому, что переживает человек в момент приближения к ясновидению. Это одна из тех ситуаций, когда безумие и ясновидение не исключают одно другого. В любом случае ясно, что фантастическая по своей природе ситуация «подслушивания» разговора умерших дает возможность проникнуть в сокровенные основы бытия и самопознания человека. «Художественные открытия Достоевского в «фантастическом роде» искусства, связанные с введением «безбрежной фантазии» в реалистический роман, отразились и в малых жанрах – в рассказах на страницах «Дневника писателя», – пишет В.Н. Захаров [4, 44]. Определяя суть фантастического в рассказах Ф.М. Достоевского, этот автор подчеркивает, что оно «лишь внешне не противоречит «рассудку» (здравому смыслу)», поскольку писатель «создает в тексте фантастического рассказа двойственную ситуацию, предоставляя уже читателю возможность самому решить, объяснять ли фантастическое эмпирически или воспринимать эстетически, то есть исходя из внутренних законов искусства, рассматривая фантастику как естественное свойство художественного мышления». «Однако следует заметить, – уточняет исследователь, – что эмпирическое объяснение фантастики зачастую носит внеэстетический характер и обедняет смысл фантастического произведения» [4, 47]. Однако, даже если предположить, что герою все лишь привиделось во сне, содержание этого сна имеет общечеловеческий смысл. «Если сон – это «информационно свободный текст ради текста», – пишет И.В. Фазиулина (курсив автора цитируемой статьи), – то сновидение – это уже текст ради сообщения, ретроспективный рассказ, воспоминание виденного: выбор сюжета, который является средством осмысления жизни, становится способом освоить неоформленный и,

в известной мере, бессловесный опыт. Поэтому рассказывание есть не пассивное подражание, а своего рода творческая деятельность, способ познания мира: именно в сновидении происходит выстраивание ментально-тематических пространств, отобранных памятью, их интерпретация». «Продуцирование собственного текста требует от рассказывающего сновидение особой личностной активности, обладающей абсолютным, эгоцентрическим характером, способной внедриться в толщу вещей и придать ей смысл, одновременно одушевляя изнутри правила языка – позиции Автора» [7, 108].

Ключевым для понимания смысла текста рассказа Ф.М. Достоевского словом является то, что вынесено в его заглавие. Это загадочное и только на первый взгляд кажущееся бессмысленным «Бобок» связывает оба мира – и живых, к которому принадлежит слышащий его герой-литератор, и умерших, но до некоторых пор не полностью превратившихся в прах. Его толкование содержится в высказывании одного из пребывающих в могиле – «доморощенного» «философа», «естественника и магистра» Платона Николаевича. «Бобок», как он сообщает, – это последний знак, «искра» еще теплящаяся в теле жизни [3, 51]. Оно напоминает о том, что в человеке присутствует не только телесное (прах земной), но и частица Духа. В таком случае основная оппозиция, на которой строится рассказ Ф.М. Достоевского, – «телесное – духовное». Эта доминирующая антитеза, лежащая в основе смыслового развертывания текста, в свою очередь, реализуется через такие частные противопоставления, как «временное – вечное», «нравственное – аморальное» и т.д. И каждый раз эти оппозиции, так или иначе, оказываются связанными с произносимым и усваиваемым словом.

Мотив действенности произносимого или записываемого слова, в свою очередь, является одним из путей интеграции всех текстов, включенных в «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. И точно так же, как это было сделано при анализе «Сна смешного человека» и «Кроткой» Т. Касаткиной, исходящей из того, что художественные произведения следует анализировать только в составе «Дневника писателя» [6, 286], постараемся выявить эти связи применительно к рассказу «Бобок» и «Дневнику писателя» за 1873 год. Главный предмет, на который было направлено внимание писателя в нем, – журналистика, ее назначение и ее восприятие в современном обществе.

Во вступительной статье идет речь о трудностях, с которыми сталкиваются журналисты и о том, что главная их цель – заставить публику задуматься, говорить не только с собой, но и быть услышанными [3, 7]. А далее автор размышляет, как может быть истолковано слово литератора [3, 31], с каким оппонентом есть смысл спорить [3, 9], и какое противостояние оппонентов является лишь игрой, фальшью («Ты и соперник твой – не высланы ли вы оба своими хозяевами для отыскания Антропок? Антропки – не те ли это из предполагаемых вами новых подписчиков, которые могли бы поверить вашей невинности?» – восклицает он в «Полписьме одного лица») [3, 65]. «Очнись же и приобрети стыд. Приобретая стыд, приобретешь и умение писать фельетоны...», – советует автор «Полписьма одного лица». Примечательно, что, как сообщается читателю, этот автор – то же лицо, которое отличилось в «Гражданине» «насчет могилки». То есть тот самый Иван Иванович, который поведал в рассказе «Бобок» об услышанном на кладбище. Итак, с рекомендациями по поводу сочинения фельетонов выступает уже известный читателю «Дневника писателя» литератор [3, 60]. Но связь между этими текстами внутри «Дневника писателя» существует не только на уровне субъектов повествования. В рассказе «Бобок» также затрагиваются проблемы утраты прессой благородства

(«Ныне юмор и хороший слог исчезают, и ругательства вместо остроты принимаются»), звучит тот же призыв к нравственности, чувству стыда, которое одно может остановить жажду обитателей могил прожить последние два месяца в «самой бесстыдной правде».

При этом Ф.М. Достоевским выражается понимание смысла публичного слова, близкое гоголевскому. Обращаясь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» к Н.М. Языкову (письмо XV «Предметы для лирического поэта в нынешнее время»), Н. В. Гоголь называет спасение души читателя главной задачей поэта. «Воззови, в виде лирического сильного воззвания, к прекрасному, но дремлющему человеку, – восклицает он. – Брось ему с берега доску и закричи во весь голос, чтобы спал свою бедную душу: уже он далеко от берега, уже несет и несет его ничтожная верхушка света, несут обеды, ноги плясавиц, ежедневное сонное опьянение; нечувствительно облекается он плотью и стал уже весь плоть, и уже почти нет в нем души. Завопи воплем и выставь ему ведьму старость, к нему идущую, которая вся из железа, перед которой железо есть милосердие, которая ни крохи чувства не отдает назад и обратно. О, если бы ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома «Мертвых душ!»» [2, 246 – 247]. Итак, из этого высказывания писателя, строящегося на антитезе «материальное (плоть) – духовное», ясно, что в третьем томе «Мертвых душ» вновь должен был появиться Плюшкин, ужаснувшийся тому состоянию, в котором он оказался из-за отчуждения от людей. Этот новый Плюшкин должен был оставить дом и отправиться в странствие, чтобы воздействовать на людей словом, предупреждая их об опасности утраты человечности. Чтобы не быть при жизни «для мира мертву», необходимо, по мысли Н.В. Гоголя, чтобы каждый человек задумался о смысле своих занятий и принял участие в общей жизни. Такого слова лишены «шумные» мертвецы в рассказе «Бобок».

Пожалуй, нравственное уже настолько подавлено в них, что оно не пробуждается и после смерти, с началом разложения телесного, поскольку «черное» и здесь, в могиле, управляет этими людьми, погружая их в воспоминания об утехах телесного при жизни. И, в конечном итоге, обнаруживается, что обитатели могил абсолютно одинаковы в своем устремлении, освободившись от вынужденного в земной жизни хотя бы внешнего стыда, наконец, предаться бесстыдству. Поэтому им напоминания о возможности что-то переменить, не нужны.

Они по-прежнему, как и в земном мире, находятся под властью социальных и денежных мерок в оценке себя и других, оставаясь «надворными советниками», «генералами» или «купцами»: помнят о «счетцах» в лавке, обсуждают, у какого доктора лечиться выгоднее, и играют в преферанс. И интересы у них остались прежними. Покойница Авдотья Игнатьева сокрушается, что «милого, радостного мальчика», похоронили не рядом с нею, но потом утешается, поскольку среди недавно умерших оказывается граф Петр Петрович Клиневич, которого она развратила в его бытность четырнадцатилетним пажом. Он для нее Богом посланный сосед в загробном мире. В конечном итоге именно Клиневич и произносит то слово, которое определяло их существование в бытность их живыми и которое остается смыслом последних двух-трех месяцев перед окончательным «бобок» уже в состоянии мертвецов. Ему «наплевать» на новые, разумные начала «здешней» жизни. «Заголимся и обнажмся», – призывает он своих соседей, и те с восторгом подхватывают его призыв [3, 52]. Таким образом, «вонь ... нравственная», которую издают их души, призывая успеть «спохватиться», их не беспокоит, в «последнем милосердии» они не нуждаются, оставаясь теми же, что и в земном мире.

Этот мотив нравственной грязи появляется уже во вступительной части «Дневника писателя» за 1873 год. Автор приводит «древнюю, чуть не индийского происхождения» басню о свинье и льве. Струсившей свинье, которая вызвала на дуэль льва, удалось спастись с помощью хитрой уловки: она вывалилась в грязи, и ее противник из брезгливости ее не тронул. Так и любой порядочный человек, «каким каждый обязан быть» [3, 7-8], должен сторониться грязи. Но, как уже было отмечено выше, судя по обнаруженному Иваном Ивановичем, она – привычная среда обитания значительной части привилегированного общества, речи умерших представителей которого слышал литератор, ужаснувшись, что они не щадят «последних мгновений сознания». Однако это не означает, что эта грязь всеобъемлюща. И в рассказе «Бобок», и в других частях «Дневника писателя» за 1873 год выражено убеждение в том, что только учет разных точек зрения может приблизить к правде. «Побываю и в других разрядах, – решает герой рассказа, – послушаю везде. То-то и есть, что надо послушать везде, а не с одного лишь краю, чтобы составить понятие. Авось наткнусь и на утешительное» [3, 54]. Именно такой, разносторонний, подход к отображению действительности является условием ее художественного познания. Итак, Ф.М. Достоевский устами своего литератора Ивана Ивановича настаивает на учете «всех» голосов. Тогда получится не только отрицание, но, возможно, и «утешительное»; будет учтено не только единичное, но откроется и универсальное.

Таким образом, общая тональность рассказа не настолько уж пессимистична. Неудачник-литератор пережил встречу с миром мертвых, которая, в свою очередь, дала толчок его собственному нравственному развитию. Если раньше его «увещания и советы» были проявлением «скверного» характера Ивана Ивановича, то теперь он знает, о чем нужно напоминать людям, чтобы не позволить окончательно замолчать в них духовному. «Им, – восклицает герой, – даны, подарены эти мгновения и ... А главное, главное, в таком месте! Нет, этого я не могу допустить...» [3, 54]. Не исключая иронии автора по отношению к этому герою, выскажем предположение, что не ею одной ограничивается оценка Ивана Ивановича, особенно, если учесть, что в качестве автора восьмого очерка «Полписьма «Одного лица»» представлен все тот же, кто «отличился» в «Гражданине» «насчет могилки». А тем самым и возможность встать на путь нравственного воскресения в результате решения проблем жизни и смерти, временного и вечного, единичного и универсального представляется реальной.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин; изд. 3-е. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н.В. Гоголь // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 7. – С. 181 – 391.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873 / Ф.М. Достоевский // Полн.собр.соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1980. – Т. 21.
4. Захаров В. Н. Фантастическое как категория поэтики Достоевского семидесятых годов / В.Н. Захаров // Жанр и композиция литературного произведения: Межвузовский сб. – Петрозаводск, 1981. – С.41 – 54.
5. Милнер-Галланд Р. Что происходит в рассказе «Бобок»? / Р. Милнер-Галланд, О. Соболева // Вопросы литературы. – 2012. – № 4. – С. 294 – 312.
6. Касаткина Т. Художественные тексты в составе «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: контекстный анализ / Татьяна Касаткина // Вопросы литературы. – 2011. – № 5. – С. 285 – 317.
7. Фазиулина И. В. Сон и сновидение как нарративные единицы (на примере творчества Ф.М. Достоевского) / И.В. Фазиулина // Грехневские чтения: сб. научн. трудов. – Вып. 5. – Нижний Новгород: Изд. Ю.А. Николаев, 2008. – С.103 – 110.

В.Б. Мусій

Одеський національний університет імені І.І. Мечникова,
кафедра світової літератури

**ОДИНИЧНЕ І УНІВЕРСАЛЬНЕ У ФАНТАСТИЧНОМУ
ОПОВІДАННІ Ф.М. ДОСТОЄВСЬКОГО «БОБОК»**

Резюме

У статті оповідання Ф.М. Достоевського «Бобок» розглядається у контексті такої категорії, як «фантастичний реалізм» (саме з цим терміном більшість дослідників пов'язує особливості творчості письменника). Пропонується варіант тлумачення змісту фантастичного, його мотивування в творі, його ролі в розкритті характеру героя і сенсу подій, що відбуваються з ним. Співвідношення в оповіданні одиничного і універсального виявляється на основі вивчення твору як важливої складової «Щоденника письменника» за 1873 рік

Ключові слова: психологізм, фантастика, семантичні опозиції, універсальне, одиничне, оповідання

V. B. Musiy,

Odessa I.I. Mechnikov National University
Department of World literary

**SINGULARITY AND UNIVERSALITY IN FANTASTIC STORY
BY F.M. DOSTOEVSKY «BOBOK»**

Summary

The article is dedicated to the research of story by F.M. Dostoevsky «Boboc» in context of such category as «fantastic realism». Attention applies to the combining of socially-historical recreation of reality (realism) and artistic fantasy which distorts forms of this reality. The problem of reasons of fantastic in «Boboc» is considered in the article most deeply and a few variants of interpretation are offered. A preference gives to such function of fantastic as interpretation of hero's history in universal, timeless, all mankind plan. The possibility to understand abnormality of own life and the opportunity to change (to correct) own errors are the main problems in the story. «Boboc» was studied as a part of «Writer's Dairy» too. In the story and in «Writer's Dairy» for 1873 such common problems are: the character of journalist dialogue with the public, the role of journalist's speech in overcoming of moral dirt, force of the public speech etc. Author of the article refers to the fact that Gogol's and Dostoevsky's understanding of the importance of public word was the same.

Key words: psychologism, fantastic, semantic oppositions, universe, single, story.

Статтю подано до редколегії 12.11.2013